

— Это что такое? — он бросил взгляд на стеклянную банку с конфетами, стоявшую на столе.

Конфеты были завернуты в обертку округлой формы, внешне напоминающую рыболовный поплавок, всю обсыпанную белым крахмалом словно мукой.

Не сказать чтобы вещь ценная — он имел в виду именно конфеты в банке. Сама стеклянная банка выглядела куда дороже и уж точно стоила немалых денег.

У мужчины-бета с аккуратно зачесанными назад волосами было милое, простодушное детское лицо. Он почтительно поприветствовал Се Цзюня: — Здравствуйте, — проявив максимум вежливости.

Брови Се Цзюня взлетели вверх, а уголки губ дрогнули в усмешке — ему стало любопытно.

Этот человек был секретарем Вэнь Цзюэ, и Се Цзюнь видел его уже несколько раз. Пожалуй, он видел его чаще, чем своего собственного благодетеля.

Се Цзюнь невольно вспомнил старые фильмы, которые смотрел, когда еще только учился актерскому мастерству. В прошлые эпохи, когда переписываться было неудобно, люди в основном обменивались весточками через слуг-посыльных, которые улаживали дела и поддерживали связь. В те времена их профессия, пожалуй, мало чем отличалась от ремесла бродячих актеров, цеплявшихся за любую возможность подняться повыше.

Потратить немного кровно заработанных денег на взятки и подарки — дело вполне привычное.

Взгляд Се Цзюня лишь на секунду скользнул по стеклянной банке, после чего он тут же перевел его на этого обладающего определенным весом секретаря.

— Здравствуй. — Мужчина улыбнулся, его лицо излучало дружелюбие, а в персиковых глазах читалась умудренная годами зрелая привлекательность.

Денег у него не было — только лицо.

Мин Цзюэр не был закоренелым эстетом, но с тех пор, как Ванцзюэ взяла этого артиста на содержание, ему поневоле приходилось следить за новостями шоу-бизнеса на случай непредвиденных обстоятельств.

Стоило имени Се Цзюня появиться в поисковых системах, как вокруг тут же начинали роиться самые разные пикантные слухи, пробуждающие самые смелые фантазии. Так что Мин Цзюэр все же испытывал некоторое любопытство.

В ответ на вопрос Се Цзюня Мин Цзюэр достал бежевый платок и принялся очень тщательно

протирают вокруг... совершенно несуществующую грязь.

Протирая поверхность, Мин Цюээр пояснял: — Это любимое лакомство Ванцзюэ. В ближайшие дни Ванцзюэ будет отдыхать на Вилле Цзяошань, поэтому я заранее распорядился насчет некоторых вещей...

Шумиха вокруг вчерашней покупки теста на беременность еще не улеглась, так что съемочный график на эти дни временно приостановили, решив переждать пик скандала и вернуться к досъемкам позже, когда страсти поутихнут. Что поделаться, артисты таковы: те, кто непопулярен, норовят укусить побольнее ради хайпа, но Се Цзюнь уже достиг той ступени, когда ему не нужны дешевые сенсации для поддержания популярности — ему требовалось лишь залечь на дно и переждать бурю, чтобы минимизировать риски.

Ли Лань велела ему носу не казать из дома.

И он преспокойно сидел затворником.

Услышав от маленького секретаря, что Вэнь Цзюэ в последнее время обосновалась на Вилле Цзяошань, он невольно вспомнил, как вчера касался женской руки, и от этих воспоминаний ладони снова зажгло.

Ее руки и правда были невероятно горячими.

— Ох. — Се Цзюнь привык искусно прятать истинные чувства под маской невозмутимости — чем сильнее бушевала буря, тем безмятежнее он казался.

Хотя вчера, услышав слово ребенок, Вэнь Цзюэ не стала уклоняться от разговора, как делала обычно, она и не дрогнула. Точно как она сама и говорила: Господин, я ничего не могу вам дать — ни утешения, ни любви... Ничего из этого невозможно.

Она поистине добра и жестока одновременно.

Маленький секретарь удалился, оставив после себя ворох странных, но в то же время обыденных вещей.

Вэнь Цзюэ вернулась на Виллу Цзяошань около семи часов вечера.

Система биометрического сканирования лиц распознала хозяйку, и массивные ворота плавно распахнулись. Вэнь Цзюэ была в бело-синей форменной одежде, ее расстегнутые манжеты слегка обнажали белизну тонких запястий. От нее веяло усталостью, а в миндалевидных глазах залегла тяжелая тень.

Голоса Се Цзюня слышно не было. Насколько ей было известно, сегодня он оставался на вилле и никуда не выходил.

Вэнь Цзюэ повесила пальто на вешалку в прихожей, и складки на её талии постепенно разгладились.

Медленно и неторопливо.

Заметив в прихожей баночку с леденцами, женщина задумчиво постучала изящными белоснежными пальцами по крышке — клик.

Крышка открылась.

Горьковато-сладкий запах мгновенно усладил её обоняние.

Она достала один леденец грубой работы и положила его в рот. Вкус растеклась по рецепторам, и, медленно перекаtywаясь на кончике языка, он помог разгладить усталость между бровей.

Когда Вэнь Цзюэ вошла в гостиную, она всё ещё оставалась вежливой и элегантной главой Управления-альфа.

Однако картина, представшая перед её светлыми глазами, вовсе не походила на образ ленивого омеги-мужчины с его неизменной полуулыбкой.

Перед ней был со спины человек в светло-розовом фартуке, поверх свободного кашемирового свитера, под которым угадывались мягкие изгибы талии. Он стоял у разделочной доски и резал овощи, а его светлые серебристые волосы слегка растрепались, совсем не похожие на те ухоженные причёски с глянцевых обложек. Но именно эта небрежность позволяла разглядеть мягкие линии нежной шеи мужчины, где вместе с дыханием вздымалась розовая железа.

На эту уязвимую красоту невозможно было не обратить внимания.

Омеги всегда более чувствительны, и причина, по которой Се Цзюнь так легко поддавался контролю, крылась не только в тайне его физического подавления.

Было и ещё кое-что: тело, однажды познавшее плотские утехы, неизменно начинает стремиться к сильному альфе. Точно так же, как человек, не пробовавший сладостей, довольствуется лёгким вкусом, но стоит ему отведать избыточной сладости, как он уже не может забыть её и тоскует вновь и вновь.

Се Цзюнь уловил феромоны Вэнь Цзюэ, пусть даже очень слабые, почти незаметные. Но даже

среди тысяч ароматов он безошибочно узнавал нужный. Он даже думал, что если его подвергнут постоянной метке, этот запах оставит неизгладимый след в его костях и теле, и он не забудет его до самого конца своих дней.

Но и быть связанным по рукам и ногам он вовсе не желал.

Было тяжело.

— Пара несложных супов, ужин будет готов через три минуты, хорошо?

Тон Се Цзюня был лишён привычного напускного кокетства, с которым он обычно льнул к Вэнь Цзюэ.

Столь заурядный диалог почему-то заставил женщину предаться иллюзиям.

Ей казалось, будто она смотрит трогательный фильм.

Хотя она уже ужинала.

Её желудок, привыкший к трапезам в первоклассных ресторанах, запротестовал и дал о себе знать дискомфортом после обычной яичницы с помидорами.

— Вкусно? — Се Цзюнь держал пиалу с отборным, рассыпчатым рисом, подцепил палочками хрустящий ломтик бамбука, отправил его в рот и стал медленно пережевывать, подражая только что виденным движениям Вэнь Цзюэ. Ему это казалось забавным.

Один кусочек побега бамбука, пережёвываемый движениями её пухлых алых губ примерно раз двадцать, наконец скользнул внутрь.

Вкуса почти не осталось.

Вэнь Цзюэ взяла стоявшую рядом стеклянную чашку с чистой водой и сделала глоток.

— Вкусно, господин Се.

Добавление в конце этих четырёх уважительных иероглифов позволило ей почувствовать себя спокойнее.

Еда была приготовлена прекрасно — и на вид, и по запаху, и на вкус, к тому же вполне отвечала предпочтениям Вэнь Цзюэ, но была одна загвоздка.

Она не привыкла.

Облачая своё тело в труднодостижимые альфа-признаки, она соответствовала стандартам мягкой учтивости в сочетании с силой, но в то же время отбросила часть эмоций. Например, изысканная и дорогая еда казалась ей пресной, словно трава, но она всё равно продолжала следовать привычкам, стараясь держаться к месту.

За весь ужин ел по большей части Се Цзюнь, а Вэнь Цзюэ лишь наблюдала. Се Цзюнь не сердился, потому что Вэнь Цзюэ была поистине прекрасной компаньонкой за едой. Она держала в руке палочки и всё никак не выпускала их из рук, а это чувство безопасности вовсе не подталкивало людей к тому, чтобы положить конец заранее предвкушаемой неловкости.

Это был их первый совместный ужин, и он выдался на редкость уютным.

По крайней мере, он так считал.

Се Цзюнь снова разленился.

Он вышел из спальни после душа, и это зрелище полностью отвечало его стилю. На нём была небрежно накинута мягкая длинная рубашка, скрывавшая большую часть фигуры и оставлявшая на виду лишь две прямые, стройные ноги, которые то и дело покачивались туда-сюда.

Анатомия мужчин и женщин различается: их первично половые признаки прежде всего определяют пол, сохраняя базовые внешние черты.

Вторичные же половые признаки разделяются на альфа, бет и омега, определяя физиологические органы.

Альфы, рожденные в качестве властителей и вершителей судеб, по большей части отличаются резкостью и решительностью, а их мощная духовная сила заставляет представителей двух других полов падать ниц; бет-признаки напоминают рабочих муравьев в муравейнике, за исключением того, что они обладают репродуктивной функцией, хотя их рождаемость заурядна и низка. Омег же стоят на ступени слабейших существ: помимо сладких феромонов, созданных для того, чтобы ублажать сильных и прислуживать им, их единственным достоинством является крайне высокая рождаемость.

Конечно, телосложение тоже служит основой для классификации.

Как бы Се Цзюнь ни маскировался, его тело оставалось реальным: на фоне твердости мужских бедер его белая, сияющая в свете ламп кожа резала глаза, а изящные тонкие щиколотки, ступавшие на ковер, заставляли огонь в стоявшем рядом шкафу потрескивать от сухости.

И неизвестно еще, от чего вокруг так сильно раскалился воздух.

Он подошел к бежевому дивану и опустился на него, скрестив ноги в той же позе, в какой вчера сидел Вэнь Цзюэ, однако расслабился под воздействием собственной ленивой мягкости и откинулся назад. Его светло-серебристые волосы переплелись с обивкой дивана, выглядя донельзя зачарованно.

Они только что договорились обсудить собственное решение.

Вэнь Цзюэ уже давно сидела на месте. Возможно, сказывалось то, что годы юности она провела в военном училище. Даже теперь, изо дня в день просиживая перед сухими документами, она по-прежнему сохраняла прямую спину, а ее альфа-сила нередко скрывалась за интеллигентным и чистым обликом.

— Я собираюсь рожать, — Се Цзюнь повернул голову, переведя взгляд на Вэнь Цзюэ. Его голос прозвучал несколько бескомпромиссно, словно у бунтующего ребенка, намеренно идущего на провокацию.

Эта фраза не стала неожиданностью, и Вэнь Цзюэ кивнула.

Се Цзюнь немного засуетился, выпрямил спину, оставив ту замысловатую позу, и повернулся боком.

Он небрежно закинул левую ногу на диван, а правую широко вытянул вперед, и плавные очертания его нежной кожи выглядели до безумия соблазнительно.

На его прежде бледном и красивом лице вдруг запечатлелось выражение человека, который едва сдерживает рвущиеся наружу слова. Придвинувшись ближе, он едва слышно, по-кошачьи промурлыкал снова:

— Я собираюсь рожать.

Он говорил очень медленно, а его щеки краснели всё сильнее, приближаясь по цвету к манящим губам, и в этом румянце читалось трудно сдерживаемое недоумение вперемешку с волнением.

Вэнь Цзюэ не раздумывая кивнула:

— Хорошо.

Женский голос приятно защекотал слух. Вспомнив, как та ночь овевала горячим дыханием его ухо, из-за чего он сам не понимая почему, в каком-то тумане обвился руками вокруг ее шеи, Се

Цзюнь почувствовал, как сердце забилося чаще.

Его глаза засияли, зрачки слегка сузились, и под воздействием пола он схватил Вэнь Цзюэ за руку.

Подумать только, до чего же он дерзкий, промелькнуло в голове у Се Цзюня.

— Нет... —

Он подался вперед, крепко ухватив Вэнь Цзюэ за руку, и захлопал ресницами, а его голос зазвучал певуче.

Он не позволял ей отстраниться.

И заявил с абсолютной уверенностью:

— Я беременен.

Смысл сводился к тому, что всё, что бы он ни делал, имеет под собой веские основания.

Заметив, что Вэнь Цзюэ больше не пытается вырваться, он решил, что она просто боится применить силу и навредить ему. Тогда он легко улыбнулся и разжал пальцы.

И с показным равнодушием произнес:

— Беременной омеге, конечно же, требуется успокоение феромонами альфы, а вы подошли так близко... это ведь вы меня соблазняете.

— А смотрите на меня так, будто это я воспользовался вашей слабостью... — он обмяк, убрал ногу и, словно лишенный костей, вытянулся, положив ноги на стоящий перед ним низкий мраморный столик. На его изящной щиколотке неизвестно когда успел завязаться маленький колокольчик, который при каждом движении издавал бесконечно милый звон.

Вэнь Цзюэ смотрела на Се Цзюня так, будто видела насквозь все его маленькие хитрости.

Она взяла лежавший рядом небольшой бежевый плед и накрыла ноги Се Цзюня, мягко улыбнувшись с располагающей простотой:

— Если у господина Се Цзюня есть какие-то пожелания, сегодня мы можем их обсудить.

Се Цзюнь давно привык к этой дружелюбной отчужденности Вэнь Цзюэ и не принимал ее близко к сердцу.

Он прищурил уголки глаз, изогнул бровь и невесть откуда извлек на свет божий скомканный в комок лист бумаги:

— Разумеется.

— Это тоже твой ребенок.

Какое бы выражение ни принимало лицо Се Цзюня, в нем читалось некоторое торжество, однако рука, державшая бумагу, испуганно дрожала. То ли от возбуждения при виде содержимого записки, то ли от каких-то фантазий.

Он был так рад, что забыл скрывать свои чувства.

— Во-первых... — только начал он.

По инерции его нога соскользнула, и маленький плед тут же упал.

Белоснежная кожа вновь оказалась беззащитно обнажена. Поскольку плед был из мягкой шерсти с терморегуляцией, от его внезапного падения повеяло легким холодом, и нога Се Цзюня соскользнула с мраморного низкого столика. Возможно, из-за долгого напряжения и отсутствия движений он неудачно потянул мышцу.

— Ах... — тихонько выдохнул он, нахмурившись.

Было немного больно.

Не успел он сделать хоть что-то, как Вэнь Цзюэ поднялась с дивана.

Она присела на корточки на ковре, и ее изящные пальцы подняли тот самый бежевый плед, излучая гармоничную мягкость. Опустив взгляд, она посмотрела на белевшую на ковре нежную щиколотку, на которой в такт движению качнулся маленький колокольчик.

В зрачках Се Цзюня запечатлелась эта картина, заставив его недоверчиво сузить глаза.

Кожа на его щиколотке была гладкой и нежной, словно мягкое рисовое пирожное, которое так любили дети в детстве. Когда рука Вэнь Цзюэ накрыла его щиколотку, Се Цзюнь почувствовал, как что-то внутри него дрогнуло — не неподвижное тело, не сжимающие диванную подушку пальцы, а что же тогда?..

Судя по всему, Вэнь Цзюэ решила, что он замерз, и с вежливой учтивостью взяла его за щиколотку, собираясь вернуть ногу на столик, устеленный пледом.

Такая благородная, она держала его с такой осторожностью.

Никто и никогда еще не относился к Се Цзюню с такой заботой, а колокольчик на щиколотке сладко позванивал, кожа соприкасалась с кожей.

Вэнь Цзюэ движима лишь добрыми намерениями, повторял он про себя.

Однако от того, как сильно зазвенел этот колокольчик в каком-то трепетном месте, он крепче сжал бумагу в руке и хрипло произнес:

— Во-первых.

— Ты должна хорошо ко мне относиться...

Глядя на половину ее лица, скрытую за прядями опущенных темных волос, он заметил в ее поведении признаки раздумий перед кивком.

Се Цзюнь остался недоволен и поспешно добавил еще два слова, сделав на них особый акцент:

— Долго!

Странная, пронзительная спешка звучала в его голосе.

Она должна хорошо к нему относиться — долго!

Долго — это сколько?..

На бумаге об этом не было ни слова.

Се Цзюнь и сам не знал. Ему просто хотелось так сказать, он был не в силах сдержать себя.

<http://bllate.org/book/21233/2148329>